

Егор Куликов

КОРОБКА ДЛЯ СОВЕСТИ

литературный конкурс

**Проект особого
значения**

ЗАСЛОН

ЛитРес

18+

Егор Куликов
Коробка для совести

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67755299

SelfPub; 2022

Аннотация

...пойми ты, наконец, пока люди нуждаются, чтобы им подтерли воспоминания, цензорам работа всегда найдется.

Егор Куликов

Коробка для совести

*«История – это фонарь из прошлого,
который светит в будущее.*

А я тот, кто может его погасить».

Неизвестный цензор

Прохожие, увидев эту сцену, обязательно бы позвонили в полицию. Но ночь была темна. А улицы были безлюдны.

Огибая светлые участки и прижимаясь к стене высотного дома, по тротуару шла женщина. Она часто крутила головой, словно кого-то высматривала. Несколько раз порывалась поднять с плеч на голову тонкий платок, но вовремя вспоминала о пышной прическе и только как бы трогала... проверяла. На месте ли.

Послышался тарахтящий звук дизельного двигателя. Спустя несколько секунд на мокрый асфальт лег желтый свет фар и, наконец, из-за угла показался нос автомобиля.

Женщина, завидев машину, тут же уткнулась лицом в стену.

Автомобиль со скоростью пешехода прокрался вдоль дома и, поравнявшись, замер.

Около минуты машина урчала двигателем.

Дверь открылась.

Вылез человек в балаклаве. Молча подошел к женщине и надел ей на голову мешок.

Она не сопротивлялась и не кричала. Казалось, она больше переживает за испорченную прическу, нежели за то, что ей приходится мириться с мешком на голове и садиться в машину к неизвестным людям.

Что касается похитителей, то и они совсем на таких не походили.

Женька поправил маску и взял женщину за руку:

– Елена Александровна, не ударьтесь, – сказал он и учтиво усадил её на заднее сидение. Сам сел рядом. Снял ненавистную маску и кивнул водителю.

Водитель с не меньшим остервенением сорвал маску и с удовольствием нацепил очки в толстой оправе. Как смог, пригладил лохматую голову и надавил на газ.

– Сколько нам до места? – спросил Женька.

– Минут пятнадцать, – не оборачиваясь, ответил Олег.

Женька отлично знал, сколько им ехать. Не первый раз уже... но еще он знал, что подобные вопросы успокаивают клиентов. Дают хоть небольшое понимание ситуации.

Он взял холодную, как рыба, руку женщины и спросил:

– Елена Александровна, вы знаете, почему мы вынуждены использовать мешок?

– Да, – ответила она.

И в этом коротком слове, сквозь слои плотной ткани Женька услышал страх. Это и неудивительно, учитывая, что

на голове мешок, перед глазами тьма, а впереди неизвестность.

– Вы, главное, не переживайте, – успокаивал Женька, – мы не первый раз это делаем. Все будет хорошо. Скоро для вас все закончится.

Пока машина петляла по городским улицам и с упорностью крысы в лабиринте, искала выход на шоссе, Женька не переставал комментировать происходящее за окном. Он отлично знал, что это располагает клиентов.

– Вот мы уже и приехали. Первый! – обратился он к Олегу. – Пока мы с Еленой Александровной будем готовиться, загни машину и настрой аппаратуру.

– Есть! – по-военному отозвался Олег и шутливо приставил руку к голове.

– Сейчас будет лестница. – Предупредил Женька. – Всего семь ступенек.

Спустились в пыльное полуподвальное помещение.

Щелкнул выключатель. Ожившие лампы сверкнули раз... два... и окончательно зажглись холодным светом, наполнив помещение легким треском.

Женька усадил Елену Александровну в кожаное кресло.

– Сейчас я вам дам повязку для сна. Как только вы ее наденете, то можно будет снять мешок.

– Да, хорошо.

– Вот и славно, – сказал Женька.

Вернулся Олег. Сонным взглядом поверх очков оглядел

помещение и плюхнулся в скрипучее кресло.

– Первый, сколько у нас времени?

– Минут пять-семь, – позевывая, ответил Олег.

– Отлично.

Женька подвинул стул и сел напротив Елены Александровны.

– Сейчас я дам вам таблетку. Это поможет нам быстрее закончить дело и немного нас обезопасит. А еще это отличное снотворное. Так что совсем скоро вы крепко-крепко заснете.

– Да, мне сын и об этом говорил.

– Какой он у вас молодец. Обо всем предупредил. Вот, держите.

Он вложил в дрожащую руку таблетку и в спешке начал искать воду. Под руку попалась банка. Вроде бы чистая. Несколько раз дунул и налил из чайника.

– Вы молодец, Елена Александровна. А теперь, пока у нас есть немного времени, я расскажу вам теорию. Вам будет понятнее... заодно и время скоротаем, пока все настроится. Или об этом вам тоже сынишка рассказывал?

– Он пытался, – насильно улыбнулась Елена Александровна, – но я ничего не поняла.

– У меня огромный опыт в этом деле. Сейчас я все объясню. – Женька перевернул стул спинкой вперед и оседлал его. – Для того, чтобы что-то окончательно забыть, вам надо или как следует напиться или обратиться к нам. Так как вы

трезвы, то вы сделали правильный выбор. А теперь серьезно. Для того, чтобы мы помогли вам забыть, нам необходимо найти именно тот случай, с которым вы хотите расстаться. Он хранится в отделе долговременной памяти. К примеру, если мы сейчас вас подключим, то я не смогу там найти ни себя, ни весь ваш сегодняшний день. Пока вы не легли спать, мозг все предпочитает держать у себя под рукой. Но то, что вы хотите забыть, уже глубоко засело в вашем сознании. Ведь так?

– Так, – ответила Елена Александровна и кивнула.

– И что же это? От чего вы хотите избавиться? – серьезным тоном спросил Женька.

– Есть один случай, – неуверенно начала Елена Александровна. – Это было давно. Еще до изобретения всех этих штук... мне было четырнадцать лет и мы с мамой каждое лето ездили к бабушке в деревню. Там это и случилось. Я до сих пор помню его колючую щетину. И перегар прямо в лицо. И его жёсткое тело. Он схватил меня сзади. Приставил нож к горлу и сказал, чтобы я заткнулась. Потом уволок с дороги в бурьян и... Его, конечно, поймали и посадили, но мне от этого легче не стало. Он почти каждую ночь возвращается. И я снова и снова проживаю этот страх и боль... В общем, я боюсь засыпать, зная, что он вернется. Это настоящий ад...

Женька выдержал паузу.

– Стоит полагать, у психологов вы уже были?

– Была! – с чувством выдавила Елена Александровна. – У психологов, у гипнотизёров, у гадалок. Даже у психиатра была. Выписал мне тонну лекарств. Ничего не помогло. Вот, сын вас нашел. Я долго сопротивлялась, но он уговорил. Он умеет уговаривать.

– Тогда вы ему за это еще благодарны будете, – сказал Женька. – Мы обязательно вам поможем. Правда?

– Правда-правда, – поддакнул Олег и кивнул. – Готово.

– Елена Александровна, сейчас не пугайтесь, я к вам прикоснусь. А после надвину на голову скафандр. Так мы называем эту штуку. Вы должны помнить, раньше в парикмахерских стояли такие, чтобы голову сушить.

Елена Александровна улыбнулась.

– Помню-помню... мама ими пользовалась. Сушуар называется.

– Ого! Спасибо за сведения. Не знал. Значит, сейчас я на вас надену сушуар.

Женька надвинул Елене Александровне на голову полусферу. Поправил глазную повязку и уселся за соседний с Олегом монитор.

– Что ж, Елена Александровна, давайте приступим. Мне надо, чтобы вы вспомнили тот момент. Вспомнили так, как никогда не вспоминали. Понимаю, это нелегко. Однако, обещаю, что это будет последний раз. Погрузитесь туда с головой, вернитесь в прошлое, отковыряйте в памяти самые мелкие детали. Будьте там. От того, как вы будете вспоминать,

зависит наша работа и время, которое нам понадобится. Дело в том, – сказал Женька и откатился на стуле к соседнему компьютеру. – Эта штука работает на удивление просто. Просто, как и все гениальное. У каждого человека есть память. Если вы первый раз пробуете яблоко, мозг сохраняет эту информацию навсегда. Любое действие мозг сохраняет навсегда, надо лишь хорошо поискать в его закоулках. Но не в этом суть... потом же, когда вы будете есть яблоко, мозг будет поднимать архив и всегда сравнивать ваши нынешние впечатления с теми, самыми первыми восприятиями. Примерно так же происходит и с любым действием. От каждого поступка или воспоминания мозг получает коктейль эмоций. И каждый коктейль – это универсальная и не повторяющаяся смесь. Наше дело – найти первоисточник. Понимаете ли, когда у вас произошел тот случай, мозг законсервировал информацию и теперь, каждый раз, когда вы вспоминаете или хотя бы упоминаете краем слова, мозг вынужден возвращаться к первоисточнику. Найдя место хранения, мы удаляем его. Стираем начисто! А без первоисточника, как вы понимаете, нет и всех дальнейших воспоминаний. Вы не помните не только этого случая, но и всех тех моментов, где когда-либо говорили об этом, думали или вспоминали. Мы просто разрываем эту цепочку. А теперь, Елена Александровна, – Женька даже выдохнул от столь долгого монолога, – Я вынужден задать вопрос, который задаю всем, без исключения. Конечно, мне бы следовало задать его раньше,

ну да ладно. Вы согласны удалить это воспоминание? Хочу заметить, что оно не подлежит восстановлению. Согласны?

– Да, – без раздумий ответила Елена Александровна и глубоко вздохнула.

– В таком случае, приступим. После того, как мы все сделаем, вы будете чувствовать некоторую пустоту. Это нормально. Советую вам попить успокоительные. Этот период длится не больше месяца, потом все возвращается на старое место, не считая того, что вы уже не помните одного момента из своей жизни.

– Да, я понимаю.

– Елена Александровна, как можно четче, как можно лучше. Вспомните.

– Я постараюсь. – Она еще раз тяжело вздохнула и начала, – Он схватил меня за горло...

– ...без слов, – перебил Женька. – Сейчас без слов. Только в вашей голове.

– Хорошо.

– Тогда поехали.

Компьютеры загудели. Полусфера на голове Елены Александровны моргнула и процесс поиска нужного воспоминания в бескрайних лабиринтах памяти начался.

Женька нажал на запись. Подкатился к столу и уставился в монитор. Он прекрасно знал, что негласный кодекс цензоров запрещает смотреть и уж тем более сохранять чужие воспоминания. Но проще пойти против кодекса, чем бороться с

собственным любопытством.

Что-то черное и мутное плавало по монитору. Спустя десять секунд обрисовалось в чистое небо с дырками звезд. Потом все завертелось. Окна домов, ветки, бурьян.

Сцена изнасилования обрушилась напрямиком из прошлого.

Всё, как рассказывала Елена Александровна.

Он схватил ее за горло. Отволок в кусты и там, вдалеке от дороги и домов, сделал свое грязное дело. Его натуженное дыхание вырывалось через динамики наушников. Он несколько минут отлежался. Встал и рявкнул плачущей девочке:

– Заткнись и лежи тихо! А то нож в тебя всажу вместо него, – сказал он и схватил себя за пах.

А девочка уткнулась в траву и всхлипывала.

Послышались удаляющиеся шаги и тишина, которую изредка нарушал собачий лай, треск насекомых и астматическое дыхание маленькой Елены Александровны.

Еще в дороге Женька заметил, что Олег ведет себя не как обычно. Обычно он отключается, как только отъедут от светильника. Роняет голову на грудь или утыкается в стекло и спит, пока не приедут.

В этот раз Олег не сомкнул глаз. Протирал очки. Разгла-

живал волосы и, словно бы нарочно, делал музыку громче.

Они приехали к Женьке на квартиру. Поднялись.

Женька разделил две пачки банкнот пополам и протянул.

Олег стеснительно взял и спрятал глубоко в карман.

– Чай будешь? – спросил Женька, предоставляя еще один шанс на «высказаться».

– Кофе.

– Сделаем, – спокойно сказал Женька и побрел на кухню.

Олег разулся и долго не знал, куда приткнуть мятые туфли. Слишком они выбиваются на сверкающем мраморе. И в обувницу их не спрячешь. Еще испачкают.

– Ты чего там?

– Иду! – крикнул Олег и выставил туфли в линейку, пряча в тени.

– Сахар?

– Одну.

Олег принял горячую чашку. Обжегшись, поставил на стол, подул на руки и, потирая ладони, как бы невзначай спросил:

– Тебя это не тревожит?

– Что именно? – спокойно спросил Женька.

– Ну... то что эта, Елена Петровна...

– ...Александровна.

– Да, Александровна, – поправился Олег. – Не тревожит, что она про нас знает?

– В смысле, про нас?

– Ну... когда мы ее посадили, она уже как будто была на этой процедуре. Это тебя не тревожит?

– А должно? – тем же холодным голосом спросил Женька.

– Вообще-то да, – серьезней продолжил Олег и посмотрел на друга. – Про нашу, так сказать, деятельность знает уже слишком много людей. И за нас скоро по-настоящему возьмутся. Не так, как сейчас, спустя рукава. А по-настоящему.

– Эх, Олег, Олег... – пренебрежительно сказал Женька, покачивая головой. – Вот сколько я работаю цензором, столько и слышу про это. Еще до тебя, когда я с Вадимом работал, он мне тоже самое говорил. Пойми ты, наконец, пока люди нуждаются, чтобы им подтерли воспоминания, цензорам работа всегда найдется.

– Да, но...

– Проституция и наркотики тоже запрещены и что? Нет их?

Олег отвернулся.

– Я тебе прямо сейчас, не вставая, вызову и одно, и другое. Сами приедут.

– Я понимаю... – мягко сопротивлялся Олег.

– А еще! – прервал Женька. – Недавно новость слышал. Какой-то там международный суд опять запретил использование светильников. Как частникам, так и всем государствам. Все подняли руки, одобрили. Подписали что-то там и разошлись. А я уверен, что на службе каждого государства есть светильники. Ты лучше меня это знаешь.

– Да, я знаю, – виновато начал Олег. – Просто страшно в тени быть. Где-то проколемся и все... срок и лишение имущества. А мне никак нельзя.

– Как будто мне можно, – улыбнулся Женька. – Мне, знаешь ли, тоже не хочется прощаться со всем этим, – он развел руками, показывая богатую отделку кухни, метражом больше, чем половина квартиры Олега. – Если бы я не знал этот рынок, я бы не проработал цензором почти десять лет.

– Хомут вон, тоже десять лет работал и что?

– Это другое! – оборвал Женька. – Хомут был дурак. Он за деньгами повелся и начал светить всех направо и налево. Человек две недели как из тюрьмы вышел, а Хомут твой взял и просветил его. А он пошел и сразу кокнул кого-то. На том Хомут и попался. Мы не такие. Мы чтим кодекс цензоров.

– Чтим? – Улыбнулся Олег и подозрительно поднял на Женьку глаза.

– Может, и не во всех местах, но в основном чтим и это главное. Так что не бойся... все у нас еще будет. Лучше скажи, как там, твои? – Женька взял стакан, потряс невидимые льдинки и сделал глоток жгучего виски.

– Так себе... – нехотя ответил Олег. – Вчера Ваньку из больницы забрали. Юлька на нервах из-за этого... Короче, как обычно.

– Хуже?

– Хуже. – С нажимом сказал Олег. – Больницы эти... всё сжирают. Есть одна хорошая, куда я хочу его пристроить, но

там... Ай, ладно, – махнул он рукой.

– Много надо? – домыслил Женька.

– Ну... с моей зарплатой лет пятьдесят копить.

– А с подработкой? – хитро улыбнулся Женька.

– Лет на сорок девять меньше.

– Другое дело! – взбодрился он. – Буду искать больше клиентов. Если что, и сам помогу, чем смогу.

– Обидно получается, – продолжал Олег, не слыша друга. – Наука вон как вперед шагнула. Обливионы эти изобрели. В человеческой памяти копаемся, как в кармане, а чтоб пацана на ноги поставить – надо полмира продать. Он же за десять лет жизни нормальной не видел. Из одной больницы в другую.

– Вылечим! Выкрутимся! Ты у нас вон, какой башковитый... – Женька положил руку на плечо Олега. Сжал. – Светильник у себя на коленках собрать. Такое не каждому дано. Обязательно вылечим! А давай я тебе тоже плескану чутка. Как ты на это смотришь? М-м?

Олег сопротивлялся недолго.

– Умеешь ты уговаривать! Давай.

– За такси я заплачу. За это не парься.

С бутылками и наскоро разогретой едой переместились в гостиную.

– Слушай, если ты так боишься, что нас схватят. Давай я тебя просвечу! – спустя пару стаканов, сказал повеселевший Женька.

– Перефразируя слова Бендера, – занудно начал Олег. – Мне моя память дорога, как память. Так что не смей к ней прикасаться. Ведь... – Он отпил. Поморщился. – Ты мне льда что ли забыл добавить? – раскрыв как рыба рот, спросил Олег. – Хотя не... что-то там бьется по стакану. О чем я? Ах, да... Удаляя память, мы лишаемся опыта. Такими темпами не жизнь, а какое-то аморфное существования будет. Я вообще не понимаю, как люди на такое решаются.

– Не нам их судить.

– Я их не сужу. – Бодро вставил Олег. – У каждого своя жизнь. И каждый ей распоряжается как хочет.

Время валилось к утру. Коллеги цензоры развалились на мягком вельветовом диване. Закинули ноги на журнальный столик.

Уставшие, они вяло ворочали языками. Как бы из полусна.

– Я все равно уйду из этого бизнеса. – Решительно сказал Олег, откинув голову на спинку дивана. – Вот наскребу, чтоб Ваньку вылечить и уйду. Деньги ведь не главное в жизни? Так? И я о том же... Мне по сути большего и не надо. Да, зарплата пока что не очень, но это поправимо. Это впереди.

– К конкурентам пойдешь?

– Не-е... зачем к ним. Я у себя аккуратненько грызу гранит науки. Знакомства нужные завожу. Глядишь, лет через пять-десять доберусь до нашего секретного отдела обливионов. Говорят, там такие бабки платят у-у-уу...

– Только что сказал, что деньги не главное. – Засмеялся

Женька, уличив друга.

– Не главное. Как говорится, богатые тоже плачут...

– ...но намного реже, – вклинился Женька.

– Да ну тебя... все шутишь. Ну, шути-шути... а я буду и дальше гранит грызть. Вот придумаю что-нибудь дельное. Заявлюсь в тот отдел и как дам пачкой бумаги по столу. На-те, мол... держите и не передеритесь. Заберут меня туда с руками и ногами.

– А голову как ненужный элемент оставят. – Не унимался Женька.

Олег только осуждающе посмотрел.

– Ладно-ладно, – замахал руками Женька. – Я вообще-то тоже не планирую всю жизнь в цензорах ходить. Скопил я вроде бы достаточно. Состарюсь, уйду на покой и открою какой-нибудь бизнес маленький. Главное, чтоб он спокойный был. Без всякой нервотрепки. Хватит с меня уже.

– Это да... молодец. Одобряю. – Олег поерзал на диване. Уткнулся в угол. – Не понимаю, как ты можешь жить один. Скукотища ведь жуткая... я бы точно без семьи спился. Семья у человека должна быть на первом месте.

– А у тебя?

– Разумеется на первом. А на втором, знаешь, что?

– Деньги? – вяло предположил Женька и лениво ухмыльнулся.

– Опять ты за свое. На втором месте у меня наука. – Гор-

до заявил Олег. – Для меня она, как кислород. Оторви меня от познания и я задохнусь. Или того хуже, в петлю залезу. Я, честно говоря, не очень понимаю этот мир. В смысле людей в нем. Здесь столько всего интересного, непознанного, неисследованного. А большинство живут так, как будто уже всё изучили. Плевать им на открытие в биологии, физике, химии, медицине. А астрономия, это же вообще голову сносит. Стоит только задуматься, какие там расстояния. Какие просторы. Звезды, больше чем вся наша солнечная система. Это ведь такие масштабы. Даже я представить себе этого не могу. А ты все только о своих денежках думаешь. Да, они важны и нужны. Я не спорю. С ними оно как-то и живется легче. Но нельзя же всего себя им отдавать. Вот что для тебя еще важно, если не брать деньги? А-а... молчишь? То-то же... стыдно, наверное, самому себе признаться, что должны быть и другие интересы. А вот мне... – Олег бы еще долго развивал эту тему, если бы не крутой храп. Будто накрахмаленную простыню рвут над самым ухом.

Уронив голову на грудь, Женька спал.

Олег не стал будить. Только вынул стакан из руки. Подбил подушку. Повалил обмякшее тело на бок и накрыл пледом.

– За такси он заплатит, – улыбнулся он на выходе.

Женька редко бывал у Олега дома. Раза два, не больше. И

все эти два раза стоял в дверях, не проходя вглубь квартиры. В этот раз он вынужден был снять обувь и прислониться к стенке, дожидаясь, пока Олег соберет Ваньку.

– Не забывай, что у нас сегодня еще работа, – кивнул Женька, указывая на часы.

– Помню! – отмахнулся Олег, пробегая мимо.

Из комнаты послышался то ли плач ребенка, то ли мартовский возглас кота.

– Не балуйся! – строго, но все же ласково прикрикнул Олег. – Давай, просовывай ручку. Давай-давай... вот, молодец. Сейчас оденемся и поедем с дядей Женей к маме. И бабушку сегодня увидишь. А теперь ножку. Давай...

Женька подпирал стенку. Смотрел на свою обувь и не понимал, зачем разулся. Ради приличия что ли?

От скуки начал рассматривать квартиру. Ничего выдающегося. Обычная квартира обычной семьи. Зашарканный паркет, выложенный простым треугольным узором. Вешалка, переполненная зимними вещами. Да и обувница, судя по всему, не вмещает всех пар кроссовок, туфель, тапок и сапог.

Он так увлекся ветвистыми трещинками на стене, что не сразу заметил, как в коридор выкатилось инвалидное кресло.

– Поздоровайся с дядей Женей.

Короткими рывками Ваня поднял голову. Посмотрел на Женьку скосившимися глазами, спрятанными за оградой красных круглых очков.

– ...асте... – не сказал, а скорее выдавил из себя Ваня.

– Привет, – сказал Женька и улыбнулся. Он попеременно смотрел то на Ваньку с его утопленной нижней челюстью и большими сухими зубами, то на Олега, стоящего за креслом.

Олег кашлянул. Привлек внимание и начал усердно указывать глазами куда-то вниз.

Женька оглядел дрожащего Ваню. Оглядел себя. Вернул взгляд на Олега, который уже настойчиво тыкал подбородком и беззвучно шептал.

– ...асте... – повторил Ваня.

И Женька, к своему стыду, только сейчас заметил протянутую, как для поцелуя, руку.

– Здорова, малой, – ухватился он. – Как твои дела? Вырос ты, конечно, знатно! Богатырь! Руку сжимаешь, как клещи. Это же надо! – скрывая свой стыд и глупый страх Женька нарочно говорил много и громко.

Он чувствовал себя странно. Знал, что у Вани проблемы со здоровьем и какая-то там тяжелая стадия ДЦП. Даже видел фотографии этого забавного большелобого мальчика с выступающими зубами. Но когда встретился с ним взглядом, по-настоящему ощутил свою беспомощность. Беспомощность и страх. Словно рядом с ним не человек, а другое существо.

Он и руку жал нехотя. Боязливо. Так и хотелось поскорее отпустить этот кусочек холодной дрожащей плоти.

– Хватит лобзаться. Поехали.

– Да... сейчас.

Женька суетливо обулся. Обронил пару курток. Ваня пискливо хихикнул.

– А как вы..? – спросил Женька, когда они вышли на лестничную клетку.

– А вот так, – спокойно сказал Олег и закрыл дверь. Он склонился к Ване. – Как папа тебя учил? Цепляйся. Крепко-крепко. Вот, молодец. Бери коляску и пошли. – Бросил он Женьке.

В машину погрузились быстро. Олег показал, как складывается кресло. Женька недовольно фыркнул:

– Ты раньше не мог этого сделать? Я с пятого этажа с этой бандурой по лестнице полз.

– Зато ощутил, как оно, – назидательно сказал Олег.

Ехали медленно. Женьке казалось, что скорость и крутые повороты непременно плохо отразятся на Ваньке. Олег сидел на заднем сидении, поддерживал сына и всю дорогу комментировал происходящее за окном.

– Смотри, какая яркая машина...

Ваня обязательно дублировал последнее слово и пытался ткнуть дрожащим пальцем.

– ...шииина. – протягивал он.

– Ого, какой экскаватор...

– ...аааатор. – повторял Ваня.

– Слышишь? Пожарка едет. Сейчас нас будет обгонять.

И Ваня заламывал голову, пытаясь увидеть ревуший красный грузовик.

– Подъезжаем, – прервал Женька незамысловатую беседу.

– Надо в аптеку заскочить. Припаркуйся возле сквера. Я быстро. Вы пока на лавке подождите.

– На какой лавке?

– На любой. – Бросил Олег и выскочил из машины.

Женька обернулся к Ване.

– Ну что малой... давай выбираться отсюда. А то спаримся.

Он умело разложил кресло. Подкатил к задней двери. Отстегнул ремень.

– Как там тебе папа говорит? Цепляйся за меня. Крепко-крепко.

Женька пытался скопировать интонацию нежности. Слышал что фальшивит, но остановиться не мог.

– А теперь, давай уйдем с солнышка. Яркое солнышко. Яркое. – Зачем-то повторял он, укатывая Ваню в тень деревьев. – А тут и вправду лучше. Слышишь, птички поют.

– ...оют.

Спустя несколько минут глупого созерцания сквера, Женька не выдержал.

– Нравится тебе тут?

– ...аица. – повторил Ваня.

– А что тебе нравится?

Женька сел на лавку и подкатил кресло напротив себя.

– Мне нравится, что тут зелено. Слышишь? Интересно получается, что посреди города есть такой зеленый уголок, где

можно услышать птиц. А что тебе нравится?

Неваляшкой, голова Вани поднялась к небу:

– ...онце! – воскликнул он.

– Солнце? – поддержал Женька

– Да. – Довольно четко произнес Ванька.

– А хочешь, я тебе фокус покажу? – и, не дожидаясь ответа, Женька засучил рукава. Достал монетку и нарочно покрутил перед Ванькой. – Это простая монетка. На вот, поддержи...

Ваня протянул дрожащую руку. Убедился в твердости металла и вернул.

– Теперь я кладу ее сюда... Смотри внимательно, – Женька положил монетку на ладонь. Вторую руку отвел в сторону. – Давай, загибай мне пальцы.

Он почувствовал холодное прикосновение ребенка. И снова этот глупый страх подкатил к горлу. Женька пересилил себя.

– Вот, молодец. А теперь дунь три раза. Итак, я открываю руку...

Ванька до последнего надеялся, что монетка в кулаке. Когда перед ним оказалась пустая ладонь, он начал сильно крутить трясущейся головой, будто бы монетка упорхнула на лавочку, прилипла к дереву или оказалась далеко на дороге.

– Где? – продолжая трясти головой, спросил Ваня.

– Вот же она.

Женька завел открытую ладонь за ухо Вани, а вернул уже

с монеткой между большим и указательным пальцами.

На мгновение Женьке показалось, что с Ваней случился припадок. Он так запрыгал на кресле, и так заголосил. Взвизгнул и быстро затараторил, как обычно усекая слова до последних слогов. Женька не смог разобрать этого языка, но он отлично уловил язык тела.

Ваня радовался.

– ...щё! ...щё!

– Нет, друг мой, – серьезно сказал Женка. – Фокус два раза не показывают. Мы сделаем кое-что получше. Хочешь, я тебя научу?

Ванька кивнул. А потом кивнул еще раз. И еще. Видимо для надежности.

– Секунду. Для этого фокуса нужен дополнительный инвентарь, – сказал Женька и сбегал в машину.

Вернувшись, он расстегнул у Вани рукав. Привязал изнутри резинку. Затем срезал пуговицу со своей рубашки.

– Готово. Возьми пуговку этими пальцами, – дрожащие пальцы мальчика цепко схватили крохотную пуговичку. – Теперь покажи мне ее. И второй рукой убери ее в кулачок. Вот, молодец. Теперь отпусти пуговицу. И все... открывай кулачок. Так-с, – почесывая затылок, сказал Женька, – что-то наша конструкция не работает.

Он снова расстегнул рукав, укоротил резинку. В этот раз фокус сработал. Ваня не верил своим глазам. Только что пуговица была в кулаке и тут раз... она уже в рукаве. А в ку-

лаке пустота.

Они проделали этот фокус раз двадцать.

Когда вернулся Олег, Ваня тут же показал его папе. Только что пуговка была между пальцев и в одночасье она испарилась. Олег искренне удивился.

– Ты чему моего сына учишь, шарлатан? – улыбался он – Пойдем Ваня, маме фокус покажем. Попрошайся с дядей Женей.

– ...ака! – выдавил Ваня.

– Дай краба, как мужик! – Женька пожал руку ребенка. – В следующий раз научу тебя, как карты отгадывать. Договорились?

– Ага.

– Давай, малой.

Олег покатил перед собой кресло. Женька, сидя на лавочке, видел, как Ваня, свесив дрожащую голову через край подлокотника, улыбался и махал ему.

Олег вернулся как раз, когда зажглись фонари и темнота, словно испугавшись, затаилась в сквере, среди деревьев и пустых лавочек.

– Поехали! – радостно сказал он и занял кресло водителя.

– Ты чего это, светишься весь?

– Есть одна новость, – интригуяще сказал Олег.

– И?..

– Я почему тебя вызвал-то? Юлька в больнице была. В общем, скоро в нашей семье будет пополнение.

– Да ладно!?

– Уверенно приближаюсь к статусу многодетного отца. – Сиял Олег.

– Поздравляю! Молодцы! Как вы так?.. Эх, реально порадовал. Известно, кто?

– Девочка, – расплылся в улыбке Олег. – Все анализы в норме. Так что... осталось только ждать.

– Во даёте, – не унимался Женька. – Молодцы! Надо бы мне тоже что ли о семье задуматься.

– А я тебе давно говорил. Семья это вечные проблемы. Но, какие-то приятные проблемы, что ли...

– Может, ты и прав. Сегодня обязательно поедем ко мне и выпьем, – заявил Женька. – Отказы не принимаются. Завтра у тебя выходной. Твои у тещи... так что все складывается. Хоть отпразднуем. А пока что... – Женька перегнулся на заднее сидение и достал маски. – Держи.

– Я позже надену. В очках неудобно. Введи пока в курс дела. Кто у нас сегодня?

– Старик какой-то. – Небрежно бросил Женька, натягивая маску. – Причем нашел меня самостоятельно. Никаких внуков и детей у него нет. Говорит, что хочет просто воспользоваться нашим светильником.

– Может, ему в аренду сдать? – улыбнулся Олег.

– Ага. Только сегодня и только сейчас – светильник в аренду на час! – Подхватил Женька.

Одинокий силуэт старика с тростью и кепкой-блином под-

жидал их на углу улицы.

Женька вышел, перекинулся парой слов, надел мешок дедуле на голову и посадил в машину.

– Алексей Михайлович, вы знаете, почему мы вынуждены использовать мешок? – привычным тоном спросил Женька и взял старика за руку.

Сухая ладонь выскочила из объятий.

– Знаю. Чтоб при просветке в другом месте я не смог вывести на вас.

Женька поймал на себе испуганный взгляд Олега.

– Это вам родные сказали? Или интернет?

– Какая вам разница? – дерзил Алексей Михайлович. – Вы занимайтесь своим делом, а я займусь своим. Давайте просто сделаем то, зачем мы встретились.

Ехали молча.

Женька вывел Алексея Михайловича, усадил в кресло, дал таблетку. Надвинул на голову полусферу и вернулся к компьютеру.

– Алексей Михайлович, мне надо, чтобы вы сейчас...

– Ребята! – лысая голова старика с повязкой на глазах повернулась к ним. – Давайте поступим так. Я знаю, как работает эта штука. И я хочу, чтобы вы стерли все, о чем я буду думать. Не спрашивайте зачем и почему. Вас это не должно касаться. Я плачу деньги и я хочу получить результат. Лучше скажите мне, когда будете готовы. И скорее приступим.

Олег в очередной раз бросил косой взгляд на Женьку и

кивнул.

– Мы готовы. Приступаем.

Женька надвинул наушники и прильнул к монитору. Воспоминание Алексея Михайловича было скомканным и смазанным, собственно, как и любое другое.

Какие-то длинные коридоры с бесконечными дверьми. Снующие по коридорам люди. Конференция в большом зале с проектором. Меловая доска, исписанная под завязку. Казалось, формулы плавно перетекали с доски на стену. И безумный возглас самого Алексея Михайловича:

– Не может быть...

Мел скрипел на доске.

Женька от первого лица наблюдал, как сухая рука старика без остановки царапает доску. Формулы ширятся. Удлиняются. Символы становятся мельче. Чтобы все поместилось на этот кусок деревяшки.

И все это действие сопровождается редкими и пугающими репликами самого Алексея Михайловича.

– Это невозможно... это невероятно... если это вынести за пределы и усилить сигнал, при этом транслируя знакомые образы, то можно будет... нет-нет-нет... этого не может быть.

А рука тем временем продолжала выводить все новые и новые формулы.

– Куда его теперь? – спросил Олег, указывая на уснувшего в кресле старика.

– Он оставил инструкции, – развел руки Женька. – Положить его в машину. Адрес у меня есть. Поехали.

– А дальше?

– А дальше он как-то сам. И мы сами. Вторая часть там же... в машине. Выключай тут все, грузим его и поехали.

Старик не обманул. В бардачке лежал туго смотанный конверт.

Они уложили Алексея Михайловича в салон. Накрыли на всякий случай курткой, забрали конверт и уехали.

Оставшуюся часть ночи они провели в квартире Женьки в приятном окружении звенящего бутылками бара и заказанной из ближайших ресторанов еды.

На следующий день. Помимо тяжелой головы и скользких мыслей, Женьке не давал покоя их вчерашний клиент.

И было странно совсем не то, что он знает каждый шаг работы светильника. Этим уже никого не удивишь. Скорее, тревожило его воспоминание. От чего же он хотел избавиться? Ведь там не было ничего такого, к чему Женька, за свой многолетний опыт работы цензором, привык.

Не было смертей. Не было какой-то мерзости в виде расчлененки. Насилия родителей. Утраты ребенка, застывшей обиды, измен... ничего такого, с чем люди легко и радостно прощаются.

Но что-то же там было? – сам себе говорил Женька. Что-то же исчезло из его памяти. Странно все это.

Тем же вечером он в одиночку поехал к светильнику. Включил свет. Заварил крепкий кофе и загрузил воспоминание Алексея Михайловича.

Звонок раздался среди ночи.

Олег нехотя взял телефон. Нащупал очки.

– Чего тебе? – сонно спросил он.

– Олег, ты срочно нужен.

– До завтра не подождет? Мне на работу утром.

– Вот как раз о твоей работе я и хочу поговорить. Спускайся. Я у подъезда.

– Кто там? – сонно спросила Юлия.

– Это по работе. Я скоро, милая.

Десять минут спустя они уже мчались по ночному городу.

– Вчерашнего клиента помнишь? – спросил Женька.

– Ну...

– Я еще когда первый раз смотрел его воспоминания, то что-то почувствовал.

– И что там было? Хотя нет. Стой! Не хочу знать. Я чту кодекс, в отличие от некоторых.

– Тебе придется его нарушить. – Холодно сказал Женька. – У него там какие-то формулы, кабинеты, коридоры, лю-

ди... в общем, если не приглядываться, то ничего странного. Но я пригляделся, на свою голову. В общем, сам все увидишь.

Подъехали к светильнику.

Все в полуподвальном помещении было включено. Лампы дрожали на потолке, потрескивая вакуумными трубками. Несколько компьютеров гудело. Даже кофе на столе еще сохранял стремительно убегующее тепло.

– Садись. Давай-давай... – торопил Женька.

– Да, что ты там увидел? – спрашивал Олег, но не сопротивлялся.

– Смотри.

Женя загрузил воспоминание Алексея Михайловича.

На мониторе замелькали кадры. Воспоминания оно всегда так... четкой картинкой не жди. Словно съемку ведут в плотном тумане, где лишь отдельные куски видны четко. Все остальное смазанное и мутное. На сленге цензоров – это называется «коррекция мозга», когда мозг сам определяет, что есть настоящее воспоминание и что имеет первостепенную важность. А что человек может сам изменить и додумать. Ведь какая разница, какого цвета были стены... каким было освещение. Изменив эту информацию, важность не потеряется

Олег внимательно смотрел в монитор. Обращал внимание на все мелочи. Но вот воспоминание закончилось и ничего. Олег вопросительно посмотрел на Женьку.

– Вот и я не сразу заметил, – сказала тот.

– Что я должен был заметить? – недовольно спросил Олег. – Какие-то формулы. Некоторые мне понятны, в остальных надо разбираться. Я так быстро не могу...

– Ты хоть что-то там понял, я же совсем ничего. Но! – Женька замер. – Это воспоминание не давало мне покоя. Я чувствовал, что в нем есть что-то ценное. Было ощущение, что мой мозг увидел это, но сам я еще не додумался что именно. В общем, смотри.

Он запустил повторно.

На экране показался длинный коридор. Затем какая-то конференция. Много людей.

Женька нажал на паузу.

– Вот! – ткнул он в монитор. – Кто это?

– Да ладно... – вырвалось у Олега. Он неотрывно смотрел поверх пальца, где среди множества лиц было и его лицо.

– Теперь ты понимаешь, зачем я тебя выдернул из кровати? – с горящими глазами спросил Женька. – Это был не обычный дедушка, который захотел избавиться от своего кошмара. Он что-то знает. Точнее, знал!

Олег ответил не сразу. Взглянул на монитор еще раз. Прокрутил запись туда-обратно.

– Мне кажется, я знаю, где это было, – сказал он. – У нас на работе много отделов. Естественно, мы не все друг друга знаем. Есть и отдел со светильниками. Он, естественно, не афишируется, но все знают, что там исследуется. Я тебе как-

то рассказывал о нем.

– А как же международные права? – хитро улыбнулся Женька.

– Ха-ха-ха... – передразнил Олег. – Если это выгодно, никакие права не станут на пути. А это! – Он указал на светильник, – Это очень выгодно. За этим будущее. Как там говорится, хочешь изменить будущее, измени прошлое. Вот тебе и ответ. Так... так... так... – засуетился он. – Мне надо переписать эту запись и разобраться. Не знаю, сколько понадобится времени. Может быть, я вообще ничего не пойму.

– Я, конечно, знал, что ты работаешь в супер научной и передовой среде, но чтобы настолько.

– Скинь это, – не слушая Женьку, продолжал Олег.

– Ты, главное, узнай, кем был этот дед.

– Узнай! – нервно ответил Олег. – Как я тебе узнаю? У меня доступа и к половине нет, что там разрабатывается. Ладно... Все. Я пока что выхожу из игры. Давай заляжем на дно. Больше не бери заказов.

– Но у меня уже есть парочка.

– Отмени! Либо делай сам. Пока я не разберусь с этим, – Олег указал на монитор, – никого светить не будем.

Звонок от Олега поступил спустя несколько дней.

– Будь дома, я заеду к тебе после работы. – Коротко бро-

сил он.

Через полчаса, Олег застелил бумагами стол на кухне.

– У меня для тебя не очень хорошие новости, – начал он и поправил очки. – Тот дедушка, кому мы благополучно стерли память, работал как раз в засекреченном отделе. Так вот... смотри. – Олег ткнул пальцем в чертеж. – Сейчас светильники работают следующим образом. Мы усаживаем человека в кресло, светим его мозг и как бы вычлняем ту информацию, о чем он думает. То есть мы не можем насильно его заставить. Это можно с помощью гипноза и еще чего-то там... но суть не в этом. И так же мы не можем стереть ему память на расстоянии. Нам обязательно надо, чтобы излучатель сконцентрировался на мозге. Этот же дедушка... Он, конечно, чертов гений. Он разработал как бы обратное действие светильника. Больше того. Он вывел его за рамки кресла. Сейчас всё поймешь, – уточнил Олег, глядя на изумленные глаза Женьки. – Этот дед вытащил светильник наружу и сделал так, что мы сможем подсовывать любые воспоминания. Короче говоря, можно на расстоянии, с помощью обычного телефона, внедрить человеку любое воспоминание.

– Подожди! Стоп! Как с помощью телефона?

– В том-то и прелесть, что сейчас, почти все смартфоны можно переделать в обливио.

– Обычный телефон?

– Не кнопочный, разумеется. Но да... обычный.

– И что это нам даст?

Олег ошарашенно посмотрел на Женьку.

– Это нам даст управление умами. С этой штукой, – его палец очертил на столе круг. – Мы можем подмешать им любое воспоминание. Он начал разрабатывать и систему образов, но там я не до конца разобрался.

– Подожди... подожди... – остановил Женька. – получается, мы сможем... я сейчас чисто ради примера говорю. Сможем подсунуть человеку воспоминание, что я давал ему в долг n-нную сумму. А потом, просто прийти и сказать ему, чтобы он вернул. Так что ли?

– Если совсем просто, то так. Но ты мыслишь слишком мелко. С этой штукой можно всему земному шару внедрить, что они нам должны. Это фундаментально ломает систему всего. – Вошел в раж Олег. – Если раньше была пропаганда, которая, разумеется, работала и работает. Но она, как бы нашлаивала воспоминания. А это требует много времени. Нужны ресурсы медиа и куча всего еще... С этим можно не нашлаивать, а просто внедрить то, что нам надо. Чувствуешь разницу?

– Чувствую. – Воодушевленно сказал Женька. – Единственное, что мне не понятно, это почему дедушка решил от этого избавиться.

– Ну... – затянул Олег. – Вариантов много. Может, он увидел всю мощь и подумал, что это уничтожит человечество, если попадет в чужие руки. Или он нарочно решил спрятать эту информацию. Зачем он вообще к нам обратился?

Он ведь сам среди светильников работает. Мог бы и там себя подчистить.

– А может, в этом отделе за всеми следят?

– Тут что угодно может быть. Одно я знаю точно. Эта штука перевернёт мир.

– Нам-то с ней что делать? – спросил Женька и заметил, как Олег опустил взгляд. – У тебя уже есть план, верно?

– Есть. – Не сразу ответил Олег. – Но он тебе не понравится.

– Выкладывай.

Олег присел на стул. Поправил очки и прилизал торчащие локоны.

– В общем, я хочу присвоить это изобретение себе. – Выпалил он.

– Но... – вырвалось у Женьки.

– Подожди! – прервал Олег. – Я постараюсь тебе объяснить, а там решай, как знаешь. Я же рассказывал тебе, что хочу работать в том отделе... ну в том, где реальные и деньги, и исследования... А это изобретение откроет мне двери. Да... поступаю я подло, что ворую память этого дедушки. Но я трезво иду на этот шаг. Понимаешь? – Олег встал. – Я не верю в судьбу. Во всякие приметы и прочее... но этот дед как будто специально пришел именно к нам. Для меня это шанс. Огромный шанс выбраться из того, где я сейчас нахожусь. В том отделе и платят лучше. И доступ к секретам выше. Я и Ваньку вылечу. Плюс Юле скоро рожать. В общем, как-то

так. – Скомкано закончил он.

– Ого! – Только и сказал Женька. Около минуты он собирался с мыслями, гуляя взглядом то по заваленному бумагами столу, то по скромной и виноватой фигуре Олега. – Держать мне тебя смысла нет... кажется, ты уже все решил. Не скрою, мне обидно будет с тобой расставаться. Мы вроде неплохо сработались. И осуждать я тебя тоже не буду. Не мне этим заниматься. Единственное, ты сказал, что это может изменить мир. Не боишься брать на себя такую ответственность?

– И об этом я думал, – сказал Олег заготовленную фразу. – Поначалу мир пошатнется. Но не думаю, что это сильно его изменит. В руках государства эта штука, конечно, может и плохую шутку сыграть. Но, понимаешь, Женя, прогресс не остановить. Рано или поздно это придумают. Через год-два или через десять лет, но кто-то обязательно додумается. Я не удивлюсь, если сейчас, на другом конце земли, кто-то уже придумал то же самое и скачет от радости по комнате. Это нормально. Доказательство тому теория эволюции или изобретение радио. Человеческий мозг любопытен. И иногда не люди открывают законы, а время и общее человеческое развитие подталкивает к этому. Так что... не начни это использовать мы, через пару лет этим будут пользоваться другие.

– Плохо, конечно, что ты вот так резко уходишь. Найти кого-то смышлёного и проверенного не так просто. А я, как ты понимаешь, завязывать со своим делом пока не плани-

рую.

– Ты, правда, не злишься на меня?

– Я еще не определился, – отмахнулся Женька. – Пока что я хочу просто выпить чего-нибудь. Для меня это слишком много информации.

– Надеюсь, ты меня понимаешь.

– Конечно, понимаю. Будь я на твоём месте, то поступил бы так же. А может быть, сразу бы свалил. Без предупреждения. – Женька налил полный стакан виски. Бросил туда пару кубиков льда. – Получается, мы с тобой больше не увидимся?

– Я не знаю, – грустно произнес Олег. – Там закрытый отдел. Думаю, правила мне скажут позже, но есть подозрение, что ты прав.

– Блин, а тяжело вот так... – сказал Женька, обжигаясь виски. – Мы ж с тобой стали не просто коллеги, но и друзья. По крайней мере, я считаю тебя своим другом.

– И я. – виновато произнес Олег.

Друзьями они и расстались. Олег чувствовал за собой вину и хотел как-то сгладить это событие. Несколько раз звонил Женьке. Интересовался делами. Нашел ли кого на замену. Хвастался тем, что изобретение взяли в разработку и скоро должны вызвать на собеседование. Очень переживал

по этому поводу.

Женька поддерживал друга. Говорил, что с его головой, странно, что он не возглавляет этот отдел. Несколько раз сидел с Ваней. Научил мальчика новым фокусам с картами.

– Ты если что, звони... – сказал Женька прощаясь. – С Ваней посидеть или просто встретиться. Человек я свободный, времени много.

– Хорошо. На связи.

– На связи.

На этом их связь оборвалась.

Спустя некоторое время от Олега пришло сообщение:

«С завтрашнего дня не пользуйся телефоном несколько дней. А лучше вообще выбрось. Прощай».

Женя не ответил и не перезвонил. Он слепо последовал инструкции. Методично и хладнокровно перенес все контакты в тетрадку, на что потратил целый вечер. Выбрасывать телефон не стал. Жалко все-таки. Вытащил батарею и бросил в шкаф, от греха подальше.

С наступление завтра мир не рухнул. Как и предполагал Олег – человечество устояло. И вроде бы, даже не сильно изменилось.

Женьке первое время казалось, что люди стали другими. Вроде бы другим... или остались прежними?

Черт его знает.

Давно он уже так плотно не вливался и не интересовался обществом.

Позже он с некоторой опаской приобрел себе новый телефон. На всякий случай взял кнопочный. Мало ли что еще разрабатывает его старый друг за закрытыми дверями.

Найти нового напарника не удавалось более полугода. А после, когда за цензоров взялись по-настоящему. Надобность в напарнике отвалилась сама собой.

Власти начали грести всех цензоров.

Женька решил, что лишние улики ни к чему.

Поехал к светильнику. Разобрал на части и погрузил в машину. Все записи уничтожил там же, во дворике. Сжег в железном ведре.

Держа в руках единственное уцелевшее воспоминание Алексея Михайловича, Женька наблюдал за едким дымом, вспоминая всё, что ему довелось увидеть. Насилие, страх, обида, горечь, месть... всё, что когда-то хранилось в людских головах, теперь черным облаком поднималось к небу и растворялось в чистом зимнем воздухе.

А как только вернулся домой, то почувствовал нестерпимое желание выпить. Хотя за последнее время к алкоголю охладел.

– Поздравляю, ты собака Павлова, – сказал он своему отражению и чокнулся с зеркалом.

Посреди ночи, когда тоска окончательно загрызла его и повалила на диван. Он дотянулся до тетради. Выдрал оттуда

знакомое имя.

Набрал.

Услышал:

«Обслуживание данного номера прекращено»,
и со всего размаху кинул телефон в стенку.

А утром, вместе с похмельной тяжестью, пришла и мысль, которая давно копошилась в черепе. Слить эти данные кому-то и уйти на покой.

Открыть бар в мужском стиле. Облагородить его. Навезти мебели цвета темного дерева. Завесить стены болотного цвета гобеленами. Протянуть барную стойку от стены до стены. Приглушить свет до полумрака и встречать там гостей.

Это ведь тоже, своего рода, работа цензора. Люди будут приходить и на некоторое время забываться, – мечтательно думал Женька, то проваливаясь, то выныривая из забвения.

За последнюю неделю Женьку так часто перевозили с мешком на голове, что он окончательно перестал понимать, где находится. В городе ли? На военной базе? Как тут определишь по бетонным стенам.

Одиночная клетка с полированными прутьями сменялась одиночной камерой с твердыми откидными нарами. Иногда

заходили люди в гражданке. Пинком сбрасывали с нар и вели на допрос.

– Где ты это взял? – спрашивал человек и тряс в руках флешку.

– Нашел возле дома. Посмотрел и ничего не понял. Решил, что можно выручить пару тысяч. Попробовал продать, тут меня и взяли. – Повторял заученную мантру Женька.

Он уже третьему или четвертому это говорит. А его все таскают по этим полуподвалам и конца этому не видно.

– Вот просветим тебя, тогда и посмотрим, что есть правда.

– Светите, – спокойно отвечал Женька.

Когда пригрозили в первый раз, он испугался. Но сейчас эти слова уже не воспринимались, как угроза.

– Убрать его!

Женьку увели.

На следующий день, снова с мешком на голове, куда-то повезли.

В этот раз условия оказались сносными. На нарах хоть матрас есть. Сбитый, правда, как будто туда камни зашили, но все же лучше, чем голые доски.

И на допрос не вытолкали, а, можно сказать, вежливо пригласили.

Долго вели мрачными коридорами.

Женька впереди и двое сзади.

Эхо шагов отскакивало от стен.

Как на расстрел ведут, – подумалось невольно.

Подошли к двери. Открыли.

Ярким светом резануло по глазам.

– Проходите, садитесь. – Вежливо сказали ему.

Женька входил в комнату так, будто из пещеры на свет божий вылезал. Ни черта не видать. Откуда здесь столько света.

Нащупал что-то твердое, холодное и гладкое. Вроде бы стол. Придерживаясь края, прошел вдоль. Ударился о стул. Присел.

Когда глаза привыкли, Женька оглядел крохотную комнатушку. Хотя, смотреть там особо не на что было. Потолок весь в лампах. Гудят как мухи над головой. Стены ровные, чистые и неестественно белые. Окон нет. Вход и выход только через дверь. Посередине прикрученный к полу железный стол и два стула напротив.

Нет, тут точно стрелять не будут, подумалось ему. Слишком стерильно. Замучаются потом отмывать.

Минут десять скучал. Взгляду и зацепиться не за что. Разве что шов двери хоть как-то выбивается. За ним и наблюдал.

Дверь резко отворилась. Из темной пропасти коридора в комнату шагнул человек. Папкой с бумагами он прикрывался от света и закрывал лицо. Но Женьке хватило одного движения руки, чтобы понять.

– Олег?! – вырвалось у него.

– Мы всё проверили, это он, – донеслось из черноты дверного проема.

Дверь захлопнулась.

Олег положил папку. Выровнял её по краю стола. Поправил очки.

Выглядел он лучше и моложе. Строгий пиджак. Короткая стрижка. Очки в толстой оправе уступили место тонким линзам с едва заметной паутинкой дужек.

– Чтобы сразу расставить все точки над «і», я буду краток. – Холодно и по-деловому начал Олег. – Я не удивлен вашей эмоциональностью. Но не ждите ее от меня.

Он сел напротив. Открыл папку и быстро посмотрел первые страницы.

– Евгений Юрьевич, вы знаете, в чем вас обвиняют?

Женька не сразу сообразил, что обращаются к нему.

– Это я, Женька. Ну? – сказал он, с надеждой глядя на друга и искривив губы в какой-то глупой и стеснительной улыбке.

– Повторяю вопрос. Вы знаете, в чем вас обвиняют? – не меняя тона, сказал Олег.

Женька несколько минут смотрел на друга. Прощупывал его. На самом деле ничего не помнит или, все же, дурачка из себя строит. Может, здесь камеры и ему нельзя признаваться, что мы знакомы. Может...

Женька напоролся на суровый взгляд Олега, в котором читался все тот же вопрос.

– Да. – Только и сказал Женька.

– И в чем же?

– Какая-то там измена. Продажа интеллектуальной собственности за границу или что-то в этом роде... Но я уже говорил, что нашел эту флешку возле дома. Потом посмотрел и посчитал, что на этом можно заработать. Потом меня взяли. Больше ничего не знаю. – Заученная фраза без эмоций выскользнула из его рта.

– Примерно так здесь и записано, – Олег ткнул пальцем в папку. Женька почувствовал, будто это он ему в мозг тычет.

– Потому что это правда.

– Мы легко можем проверить, насколько это правда, – сказал Олег, склонившись над столом. – Вы сейчас находитесь в центре по изучению Обливио. Вам понятны эти термины?

Женька кивнул.

– Тогда вы должны догадываться, что от нас сложно что-то утаить. И лучше бы вам сразу рассказать все, что знаете. Мы в любом случае сможем это вытащить. – Сказал Олег и как-то странно сощурился. – Вы понимаете, о чем я говорю? – снова этот прищур.

– По-ни-маю, – произнес Женька и буквально впился взглядом в лицо Олега.

Олег обернулся к двери. Закрыта.

– Я знаю, что мы когда-то были знакомы...

– Ну наконец-то! – облегченно выпалил Женька. – Не просто были знакомы, мы...

Олег поднял руку.

– Разрешите, я продолжу? Спасибо. Давным-давно я знал

человека по имени Евгений. – Медленно начал он. – Будучи еще в той жизни, я записал себе видеообращение с некоторой инструкцией. Первое, что я должен сделать, если мне в руки попадется человек с вашей фамилией, вашими именем и отчеством, я должен перед ним извиниться. Поэтому, простите меня. – Отстраненно произнес Олег. – Скажу честно, сейчас я понятия не имею, с чем связано мое извинение, но, догадываюсь, что вы понимаете. Второе, что я должен сказать этому человеку, то есть вам. Так это то, что формула не сработала. Но с помощью нее у меня получилось пробиться. Надеюсь, это тоже вам понятно. И третье, наверно, самое главное. Тот я, буквально приказал мне теперешнему, что если мы встретимся, я обязан буду вам помочь. Мы, к моему сожалению, встретились.

Олег замолчал.

Женька смекнул что к чему. Нагло вывалил руки на стол. Откинулся на спинку стула. Ухмыльнулся и вызывающе спросил:

– И что? Поможешь?

– Честно говоря, не очень хочется. – Лениво ответил Олег. – По сути, помочь вам не так сложно, – начал он рассуждать вслух. – Отвести сейчас в кабинет, да удалить все, что связано с флешкой. Ничего сложного. Другое дело, что это может повлечь некоторые проблемы. Будут лишние вопросы, подозрения... а это уже и на карьере может отразиться. Вы же сами должны понимать, что вам вменяют не про-

сто цензорскую деятельность. Вам вменяют измену! Это намного серьезнее, чем детские игры со светильниками. – Закончил Олег.

Женька долго смотрел на Олега. Щупал его взглядом. Пытался достучаться до его удаленного участка памяти. Вызволить из этого черного закутка хоть крупицу прошлого. И при этом прекрасно понимал, что все его попытки изначально обречены на провал.

– И? Ждешь, чтобы я умолять начал?

– Нисколько. Просто удивляюсь своим чувствам, вот и все. Если бы я вместо видеообращения оставил себе записку с теми же инструкциями, то, скорее всего, я бы даже извиняться перед вами не стал. Но в том видео такой нажим. Такой накал. Даже через монитор чувствуется боль. Это и подкупило меня. Все-таки тому себе я доверяю больше. У него картина была шире, чем моя нынешняя. Очень надеюсь, что тот я знал, о чем он говорит и что просит меня сделать. Потому что если он не продумал все до конца, то... – Олег оставил без продолжения. – В общем, я помогу вам.

Странное чувство поднялось в душе Женьки. Какое-то грустное облегчение. словно он одним махом избавляется от всех проблем, но при этом платит слишком высокую цену.

– Спасибо, что ли...

– Не стоит. – Прервал Олег и сразу продолжил четко по делу. – За дверью нас ждут два человека. Вместе мы отправимся к светильнику. Я постараюсь сделать так, чтобы вме-

сто просветки вашей правды, случайно включился модуль зачистки. Поэтому постарайтесь вспомнить правильную информацию. Вы меня понимаете?

– Да. – Коротко бросил Женька, осознавая, что совсем скоро огромный кусок его жизни исчезнет. Перестанет быть его собственностью и станет вдруг ничейным. Пустым...

Сотни раз он лично проводил эту процедуру. С легкостью вычищал у людей едва ли не годы их жизни. А сейчас и самому предстоит это опробовать. На собственной, так сказать, шкуре...

И шкура эта совсем не хотела двигаться в направлении двери.

Дыхание его участилось. Голова загудела в унисон с лампами. Глаза заскользили по белоснежным стенам и, как на занозу, наткнулись на Олега.

– У вас нет другого выбора. – Сказал Олег, словно почувствовал смятение Женьки. – И предлагать второй раз я не буду. Встаньте и подойдите к двери. Я следом.

Олег сгреб папку. Встал. Одёрнул полы пиджака.

– Ну?

– Да, надо... – процедил Женька, поднимаясь со стула.

– К двери! – напомнил Олег.

Женька прошел вдоль стола, обогнул Олега и стал лицом к закрытой двери.

Затылком ощутил на себе чужой взгляд.

Все-таки чужой, с досадой подумал Женька.

– Скоро для вас все закончится, – двусмысленно прозвучало за спиной.

Женька схватился за ручку. Надавил и замер. Что-то свербело внутри. Рвалось наружу и просило ответов.

– Оно того стоило? – спросил он не оборачиваясь.

– Что, простите?

– Я говорю, стоило ли оно того?

– Видимо, да. – Легко ответил Олег. – Моя жизнь круто изменилась.

– Поздравляю. – Без капли радости произнес Женька. – Ваню-то хоть вылечили?

– Какого Ваню?

– Сына, – дрожащим голосом сказал Женька, чувствуя, как холодеет спина.

– Вы, верно, перепутали, – хмыкнул в затылок Олег. – У меня вообще-то дочь. Евгенией зовут.

Женька закрыл глаза, открыл дверь и шагнул в черную пасть бесконечного коридора.